

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2023, Том 15, № 2 / 2023, Vol. 15, Iss. 2 <https://esj.today/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/26ECVN223.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кушнир, А. М. Институциональные подходы к решению экономических проблем: междисциплинарные связи и информационная повестка / А. М. Кушнир // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 2. — URL: <https://esj.today/PDF/26ECVN223.pdf>

For citation:

Kushnir A.M. Institutional approaches to solving economic problems: evolution, interdisciplinary linkages and the information agenda. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023; 15(2): 26ECVN223. Available at: <https://esj.today/PDF/26ECVN223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Кушнир Андрей Михайлович

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», Москва, Россия
Юридический институт

Профессор кафедры «Таможенного права и организации таможенного дела»
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Москва, Россия

Профессор кафедры «Экономики и менеджмента»
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
Профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса
Доктор экономических наук, профессор

E-mail: Ku7@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4318-0190>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=363417

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/R-6344-2018>

Институциональные подходы к решению экономических проблем: междисциплинарные связи и информационная повестка

Аннотация. В статье проанализированы возможности институционального подхода к решению экономических проблем современности. Автор исходит из базовой посылки о том, что экономическое поведение человека в существенной мере предопределено нормами и правилами, которые имеются в обществе. На основе использования общенаучных методов исследования социально-экономической реальности предпринята попытка проведения ценностно-смыслового анализа институционального развития. В результате установлены и описаны особенности и направления влияния межпредметных связей на институциональную экономику. Во-первых, юриспруденции, предопределяющей формальную регламентацию наиболее значимых сфер человеческой жизни. Подтвержден тезис о том, что независимость правоприменения от принадлежности ее участников к любым социальным группам выступает залогом динамичного развития национальной экономики. В противном случае, любые, даже самые прогрессивные реформы могут оказаться безрезультатными. Во-вторых, этических норм и подходов. На основе сравнительного анализа доминантных типов поведения потребителей транспортных услуг в различные периоды времени, актуализирован вывод о роли морально-нравственных ограничений в вопросах регулирования экономических процессов. В-третьих, психологических подходов, пронизывающих всю ткань экономических отношений. В статье выдвинуто предположение о том, что цифровая трансформация, значительно изменившая производственные, технологические и управленческие процессы, практически не затронула потребительское поведение. За счет инертности неформальных институтов его фундаментальные механизмы не претерпели изменений, ограничившись расширением

товарного ассортимента, незначительным сдвигом в структуре потребностей, отдельных привычках и предпочтениях. В-четвертых, социологии, которая описывает экономическую деятельность людей в качестве группового и коллективного феномена. Установлено, что сегодня развитие экономических институтов во многом происходит за счет расширения социальных связей при снижении их тесноты и интенсивности. В-пятых, истории, которая описывает не только развитие человеческого общества, но и тех изменений, которые происходили в использовании соответствующих норм и правил. Кроме того, в работе показано, что инструментарий институциональной экономики, обладает существенной объяснительной силой, представляет возможности для принятия эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: экономические институты; нормы; правила; информационно-коммуникационные технологии; междисциплинарные связи; институциональные изменения; потребительское поведение

Введение

Традиционно институциональную экономику рассматривают не только как самостоятельную отрасль научного знания, но и в качестве составной части институционализма — известного направления научной мысли, включающего теории, концепции и доктрины, описывающие все события общественной жизни сквозь призму институтов.

В рамках институционального подхода предполагается, что поведение людей в определяющей мере связано с комплексом норм и правил, которые задаются обществом. При этом человек свободен в своем выборе, но его деятельность направляется, ограничивается и структурируется вышеуказанными нормами и правилами, которые задают своеобразный «коридор возможностей» или институциональные рамки, формируя те или иные поведенческие стереотипы. Многочисленные исследования подтверждают, что наше экономическое поведение включает намного больше шаблонов и устоявшихся стандартов, чем мы это себе представляем [1]. Их существование становится очевидным только тогда, когда кто-то или что-то нарушает привычный ход событий [2]. В этой связи представляется целесообразным проанализировать особенности методических подходов к решению институциональных проблем хозяйственной деятельности с учетом процессов глобальной турбулентности в мировой экономике в целом и в национальной экономике России в частности.

Методы

При проведении исследования использовались общенаучные подходы, включающие анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, аналогию и сравнение, индукцию и дедукцию, методы нормативного и позитивного анализа; включенного наблюдения и эмпирического сопоставления статистических данных, а также иные аналитические и логические методы изучения социально-экономической реальности.

Концептуализация авторской позиции привела к необходимости ценностно-смыслового подхода к институциональному развитию. Дело в том, что в предшествующих исследованиях в основном подчеркивалось положительное влияние базовых общечеловеческих ценностей на институциональное развитие и его экономическое наполнение [3; 4]. Между тем, как правомерно отмечают некоторые специалисты, имеется и «обратная сторона медали»: некоторые базовые ценности обуславливают и препятствуют разрешению существенных проблем, начиная с коррупции и заканчивая силовым разрешением конфликтов на межгосударственном уровне [5]. В представленной работе предпринята попытка взвешенного подхода к разрешению данного противоречия, не допускающая отстраненного перехода к

«чистому теоретизированию», которое теряет связь с практическими проблемами с одной стороны; а с другой ангажированными исследованиями, которые являются весьма сомнительными с позиций доказательности и объективности.

Результаты и обсуждение

Как известно, в широком смысле под институтом понимается все, что структурирует индивидуальное поведение. Следовательно, институциональная экономика имеет обширную сеть межпредметных связей. Проанализируем современные особенности наиболее значимых из них и представим их характеристику.

Во-первых, юриспруденция. Законодательная регламентация наиболее значимых сфер человеческой жизни предполагает их формальное, деперсонифицированное регулирование. Верховенство закона, единство применения норм права вне зависимости от социального положения, уровня дохода, вероисповедания, национальной принадлежности выступают важнейшими предпосылками динамичного развития экономики. Напротив, избирательность в правоприменении, произвол отдельных социальных групп или общностей оказывают предельно дестимулирующее влияние на национальное хозяйство [6]. В этой связи весьма показательными являются попытки отдельных государств распространить собственные нормы права на другие территории, адаптация законодательств многих стран, исходя из интересов крупнейших представителей национального бизнеса, стремление регулировать и контролировать основные цифровые платформы, инструменты блок-чейна, социальных сетей и т. п.

Во-вторых, этика. Довольно интересными в этом отношении выступают метаморфозы, произошедшие в общественном сознании за последние несколько десятилетий. Так, в большинстве городов Советского Союза проезд на общественном транспорте оплачивался следующим образом: все заходящие в автобус или троллейбус компостировали заранее купленный проездной билет либо бросали монетки в специальный ящик, поворачивая рукоятку которого, самостоятельно отрывали свой проездной талон. Случаи безбилетного проезда встречались крайне редко, также как и проверки контролеров или дружинников. В том случае, когда безбилетники все-таки встречались, то это вызывало неподдельное осуждение подавляющего большинства пассажиров. Можно, конечно, предположить, что такое дисциплинированное поведение было в определяющей мере связано с относительной дешевизной проезда на городском транспорте, который дотировался из общественных фондов. Но дело не только и не столько в этом. Законопослушно поступали практически все пассажиры, и это считалось естественным. И напротив, отклоняющееся поведение рассматривалось в качестве недопустимого. Кстати, в салонах городского транспорта очень часто можно было увидеть надпись: «Совість пассажира — лучший контролер», которая весьма хорошо демонстрировала действенность и высокую эффективность описанного института.

С переходом к рынку ситуация кардинально изменилась: те же самые люди, которые несколько лет назад дисциплинированно оплачивали проезд в значительной массе начали уклоняться от исполнения этой обязанности. Неоплаченный проезд перестал рассматриваться негативно, стал специфической формой протестного поведения, которое молчаливо поддерживалось большинством. Напротив, те, кто продолжали платить, воспринимались в качестве неудачников. В результате компании, занимавшиеся перевозками пассажиров, стали получать убытки и им пришлось нести огромные издержки, связанные с контролем оплаты проезда: от найма контролеров до установки специальных турникетов, которые существенно увеличивали время посадки пассажиров и всей поездки в целом.

Таким образом, морально-нравственные ограничения или их отсутствие продолжают оставаться значимым регулятором хозяйственной деятельности и всей общественной жизни [7].

В-третьих, психология. Экономика изучает поведение людей и отношения, связанные с реализацией хозяйственной деятельности. Народная мудрость гласит, что путь к чьему-то сердцу лежит через некоторые отделы желудочно-кишечного тракта. Можно соглашаться или не соглашаться с таким подходом и приводить соответствующие аргументы, не вызывает сомнений одно: не создав соответствующих условий, очень трудно рассчитывать на какие-то позитивные результаты в любых сферах человеческой жизнедеятельности. Подобные идеи высказывали в своих трудах многие исследователи [8; 9]. С другой стороны, в том случае, когда удовлетворены базовые потребности человека, последующее приращение благосостояния практически не коррелирует с субъективным восприятием качества собственной жизни. Доктринально соглашаясь с подобным выводом, большинство людей, безусловно, будет стремиться к попаданию в список Forbes, нежели оставаться представителями среднего класса и копить несколько лет средства на приобретение в кредит бюджетного хэтчбека.

Экономическое поведение людей подвержено действию многих психологических феноменов. Так, по большей части мы в той или иной мере откликаемся на рекламные воздействия, установление округленных цен (все по 9,99, 49,9 или 99,7), специфическую выкладку товаров на полках в магазинах, когда продвигаемый товар выставляется на самом видном месте и т. п. [10] Переход с цифровую эпоху привел к существенным изменениям в производственных и управленческих процессах, однако потребительское поведение существенной трансформации не претерпело: изменилась структура потребностей, некоторые привычки и предпочтения. Тем не менее, автор полагает, что благодаря инертности неформальных институтов, базовые механизмы потребительского выбора остались неизменными.

В-четвертых, социология. Индивид становится настоящим человеком только общаясь с себе подобными. Многочисленные примеры т. н. детей-маугли, которые в силу каких-то трагических причин росли в условиях полной социальной изоляции, убедительно свидетельствуют, что чем раньше такой ребенок возвращался в социум, тем больше у него было шансов на включение в полноценную человеческую жизнь и наоборот [11].

В этой связи появляются многочисленные вопросы о базовых показателях «нормы» и того, какие характеристики ей соответствуют. Сам факт того, что маленький ребенок выживал без родителей, в условиях, совершенно не приспособленных для жизни человека в нашем обыденном понимании, свидетельствует о высоком уровне адаптационного потенциала и интеллекта, понимаемого не как способность решить стандартные письменные тесты, а как способность решать задачи без предварительного научения. Для нас важен несколько иной аспект социальных отношений: практически всегда экономическая деятельность людей предполагает объединение их усилий, носит групповой, а чаще всего — коллективный характер. Как известно, именно разделение труда, дробление его на все более узкие, специализированные операции выступало и выступает важнейшей предпосылкой для научно-технического прогресса, повышения производительности труда, уровня и качества жизни. Поэтому функционирование экономических институтов в современных условиях стало характеризоваться существенным расширением социальных связей за счет использования информационно-коммуникационных технологий при существенном снижении их тесноты и интенсивности. С одной стороны, мы можем беспрепятственно общаться с людьми, которые живут на других континентах, с которыми мы никогда не виделись и никогда не увидимся. С другой, можем не знать имя соседа по лестничной площадке, с которым живем в одном подъезде уже несколько лет. И если раньше теснота социальных связей существенно снижалась в городских

агломерациях и оставалась на относительно высоком уровне в неурбанизированных пространствах, то сегодня, благодаря распространению Интернета, подобные различия стираются.

В-пятых, история. Развитие человеческого общества предопределено, в значительной мере детерминировано событиями, которые имели место в прошлом. Мы зачастую не задумываемся, почему в тех или иных ситуациях мы поступаем так или иначе, что считаем правильным, верным, допустимым, целесообразным или наоборот. Значительная часть подобных поведенческих реакций предопределена нашим опытом, опытом наших предшественников: родителей, учителей, значимых представителей старшего поколения. Убеждаясь на практике в верности тех или иных подходов, мы менее критично, зачастую на веру воспринимаем и другие их поступки, транслируя и распространяя их во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Поэтому для поддержания, сохранения, изменения, трансформации или угасания экономических институтов «история имеет значение». При прочих равных, существующие сегодня нормы и правила в своей уникальности имеют четкую историческую обусловленность [12; 13].

Безусловно, институты являются весьма значимым, и тем не менее, весьма малоизученным элементом общества. Поэтому неслучайно, что известная часть социальных исследований сконцентрирована на выявлении сущности и базовых характеристик институционального ядра современных социумов. Это позволяет лучше понять, осмыслить и объяснить многообразные процессы и явления в разных странах, более адекватно спрогнозировать перспективы развития человеческого общества.

Кроме того, подходы институциональной экономики, обладая существенной объяснительной силой, представляют возможности для принятия результативных управленческих решений, т. е. существенно расширяют инструментарий социального управления в целом и менеджмента в частности. Институциональный подход обогащает экономические исследования за счет учета целого ряда факторов, которые ранее не принимались в расчет. Прежде всего, речь идет об использовании в экономическом анализе правовых и этических ограничений, которые изменяют целевые функции потребителей и производителей, повышая их реалистичность и прогностичность [14].

Весьма показательны в этом плане результаты исследования, посвященного отношению к списыванию [15]. Респондентам в России, Израиле, Нидерландах и США предложили высказать свое отношение по шкале от — 2 (предельно отрицательно), до +2 (предельно положительно) ко всем участникам следующей ситуации: *обучающийся А списал у обучающегося В с его согласия, а обучающийся С сообщил об этом учителю/преподавателю*. Некоторые из полученных результатов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Отношение к списыванию в разных странах¹

	Участники ситуации		
	А	В	С
РФ (Москва)	-0,24	+0,52	-1,78
Нидерланды	-0,83	-0,05	-1,36
Израиль	-0,5	-0,25	-1,15
США	-1,35	-0,88	-0,25

¹ Составлено по: Magnus J., Polterovich V., Danilov D., Savvateev A. Tolerance of Cheating: An Analysis Across Countries // Journal of Economic Education. 2002. 33. 125–135. <https://doi.org/10.1080/00220480209596462>.

Представленные данные можно по-разному интерпретировать. Однако вывод о существенных страновых различиях в отношении к участникам приведенного опроса кажется очевидным. Между тем, заключение о том, что все мы очень разные и невозможно привести «к общему знаменателю» представителей различных культур не находит своего подтверждения в других научных исследованиях. Так, в известной статье Р. Мигеля и Э. Фисмана описываются события, происходившие в начале XXI в. в Нью-Йорке. Автомобили дипломатических представительств ООН довольно долго обладали иммунитетом от уплаты штрафов за нарушение правил парковки. Представители различных культур принимали решения в одних и тех же условиях, и количество нарушений было очень большим. Проанализировав данные полицейских архивов, авторами исследования была установлена положительная корреляция между количеством нарушений и уровнем коррупции в стране происхождения дипломатов. После того, как в 2002 г. иммунитет был отменен, дипломатические работники всех стран стали более дисциплинированными, количество нарушений сократилось на 9 % и культурные различия перестали иметь какое-либо значение [16]. Т. е. снижение произошло до уровня статистической погрешности: водитель/дипломат не заметил, забыл, зазевался, замешкался и т. п., т. е. допустил непреднамеренную ошибку, что иногда свойственно людям, а само явления перестало носить массовый характер.

Следовательно, в зависимости от базовых предубеждений; силы, валентности и значимости группового влияния; степени эмоционального возбуждения; возможных последствий и вероятности получения положительного/отрицательного подкрепления, экономическое поведение людей будет меняться в той или иной мере.

Заключение

Таким образом, социально-экономическое значение институтов в современных условиях предопределяется следующими факторами.

Во-первых, они корректируют поведение людей в целях минимизации взаимного причиняемого вреда и/или наносимого ущерба друг другу. Переход из «галактики Гуттенберга» в «галактику Цукерберга» принципиально не изменил подобное положение.

Во-вторых, сокращают издержки, связанные с поиском партнеров и достижением соглашений. В данном аспекте распространение информационно-коммуникационных технологий выступает драйвером указанных процессов, расширяя возможности и создавая новые неопределенности и угрозы.

В-третьих, являются ретрансляторами информации во времени и в пространстве, реализуя и закрепляя межпоколенческие связи и распространяя наиболее эффективные нормы и правила от их носителей к реципиентам. В современных условиях значимость данного фактора будет неуклонно возрастать.

В-четвертых, при недостатке информации и нестабильной экономической ситуации снижают уровень неопределенности. По мнению автора, воздействие указанного фактора в цифровую эпоху требует дополнительного предметного изучения и рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Colleen P. Kirk, Laura S. Rifkin I'll trade you diamonds for toilet paper: Consumer reacting, coping and adapting behaviors in the COVID-19 pandemic // Journal of Business Research. 2020. Volume 117, pp. 124–131.
<https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.028>.

2. Garfinkel H. Studies of the Routine Grounds of Everyday Activities // *Social Problems*. 1964. 11(3), pp. 225–250. <https://doi.org/10.2307/798722>.
3. Mair J., Wolf M., & Seelos C. Scaffolding: A process of transforming patterns of inequality in small-scale societies // *Academy of Management Journal*. 2016. 59(6), pp. 2021–2044. <https://doi.org/10.5465/amj.2015.0725>.
4. Whiteman G. Management studies that break your heart // *Journal of Management Inquiry*. 2010. 19(4), pp. 328–337. <https://doi.org/10.1177/1056492610370282>.
5. Risi D. & Marti E. Illuminating the Dark Side of Values: A Framework for Institutional Research // *Journal of Management Inquiry*. 2022. 31(3), pp. 253–263. <https://doi.org/10.1177/10564926221091521>.
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Rents and economic development: the perspective of Why Nations Fail // *Public Choice*. 2019. 181, pp. 13–28. <https://doi.org/10.1007/s11127-019-00645-z>.
7. Johnston C.D, Ollerenshaw T. How different are cultural and economic ideology? // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Volume 34. pp. 94–101. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.01.008>.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, с. 350–351.
9. Wang X., Shi W., Yuen K.F. A synthesised review of pandemic-driven consumer behaviours and applied theories: Towards a unified framework // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2022. Volume 77. <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2022.103104>.
10. Blazquez-Resino J.J., Gutierrez-Broncano S., Gołab-Andrzejak E. Neuroeconomy and neuromarketing: the study of the consumer behaviour in the Covid-19 context // *Frontiers in Psychology*. 2022. 13. pp. 822856. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.822856>.
11. Sosteric M., Ratkovic G. Theoretical research: It takes a village: Advancing attachment theory and recovering the roots of human health with the circle of seven essential needs // *Aotearoa New Zealand Social Work*. 2022. T. 34. № 1. pp. 113–127. <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.501836147333418>.
12. Vos D. & Voets J. Examining municipalities' choices of service delivery modes through the lens of historical institutionalism // *Public Management Review*. 2023. <https://doi.org/10.1080/14719037.2023.2174587>.
13. Herranen O. Historical Institutions. In: *The Invisible Order* // *Palgrave Studies in Relational Sociology*. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16481-1_4.
14. Carden A., Caskey G.W., Kessler Z.B. Going far by going together: James M. Buchanan's economics of shared ethics // *Business Ethics Quarterly*. 2022. T. 32. № 3. pp. 359–373. <https://doi.org/10.1017/beq.2021.26>.
15. Magnus J., Polterovich V., Danilov D., Savvateev A. Tolerance of Cheating: An Analysis Across Countries // *Journal of Economic Education*. 2002. 33. 125–135. <https://doi.org/10.1080/00220480209596462>.
16. Fisman R., Miguel E. Corruption, Norms, and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets. *Journal of Political Economy*. 2007. 115(6), 1020–1048. <https://doi.org/10.1086/527495>.

Kushnir Andrei Mikhaylovich

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
Russian State University named A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: Ku7@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4318-0190>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=363417

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/R-6344-2018>

Institutional approaches to solving economic problems: evolution, interdisciplinary linkages and the information agenda

Abstract. The article analyses the possibilities of the institutional approach to solve the economic problems of modernity. The author believes that human economic behaviour is substantially predetermined by the norms and rules that exist in society. Based on the use of general scientific research methods, an attempt was made to conduct a value and semantic analysis of institutional development. The peculiarities and directions of influence of interdisciplinary relations on institutional economics were identified and described. First, jurisprudence determines the formal regulation of the main spheres of human life. The conclusion that the independence of law enforcement from the affiliation of its participants to any social groups is a guarantee of successful development of the national economy is confirmed. If this is not the case, the most progressive reforms can be futile. Second, ethical standards. Based on a comparative analysis of the dominant types of behaviour of transport service users at different times, the conclusion is made about the role of moral restraints in regulating economic phenomena. Thirdly, psychology, which "permeates the entire fabric" of economic relations. The author suggests that the digital transformation, which has changed production, technological and managerial processes, has had little effect on consumer behaviour. Due to the inertia of informal institutions, its fundamental mechanisms have not undergone any changes, being limited to the expansion of the product range, a slight shift in the structure of needs and individual habits. Fourth, a sociology that describes people's economic activity as a group and collective phenomenon. It has been established that the development of economic institutions today is due to the expansion of social ties while their density and intensity are reduced. Fifth, history, which describes the development of human society and the changes that have taken place in the relevant norms and rules. In addition, the paper shows that the tools of institutional economics, have significant explanatory power, and provide opportunities for effective managerial decision-making.

Keywords: economic institutions; norms; rules; information and communication technology; interdisciplinary linkages; institutional change; consumer behaviour